

коллег, «Шарипов есть Шарипов. Рыбачье счастье за ним по пятам ходит. Где другие пустыми возвращаются, он – всегда с уловом». На это сам Ш. шуточно отвечал: «Вставать надо пораньше, а ложиться попозже – вот оно и всё рыбачье счастье». Ещё одно мнение: «Чем Шарипов берёт? Откровением. Он никогда не ставит себя выше других. С механиком советуется по всем вопросам и с другими членами команды всегда на одной ноге. Хотя в то же время он наш командир, от его решения, воли и опыта многое зависит...». В 1985 г. принял под команду новый МРС-150 № 053, экипаж которого в путину 1986 г. при плане 920 выловил 2 022 т морепродуктов. В июне 1987 г. это судно завоевало во внутриколхозном соревновании первое место с результатом 404 т при плановых 250, получив денежную премию и переходящий вымпел. После достижения пенсионного возраста продолжил работу на камчатском побережье, трудился в частных компаниях. Награждён медалями «За доблестный труд», «Ветеран труда», знаком «За безаварийную работу». С 1995 г. живёт в г. Петропавловске-Камчатском.

Якунин Виктор Иванович, капитан дальнего плавания, капитан-директор, начальник ПБРХФ, генеральный директор АО ПТФ «Рыбхолодфлот» в 1990–1996 г. Родился 13 марта 1947 г. в г. Электрогорске Московской области. В 1962–1967 гг. учился на судоводительском отделении Клайпедского мореходного училища. С 1968 г. трудился в КРФ, начинал матросом. После получения диплома штурмана малого плавания в октябре 1968 г. назначен третьим помощником капитана транспортно-рефрижераторного судна «Медведица». С 1969 по 1974 г. – второй, третий, старший помощник капитана на транспортно-рефрижераторных судах «Завойко» и «Тиличики», морском буксире «Прилив», производственном рефрижераторе «Дмитрий Часовитин». С 1975 г. – капитан-директор производственных рефрижераторов «Эворон», «Хасан», в 1979–1998 гг. – капитан-директор плавбазы «Рыбак Латвии». Затем трудился секретарём партийного комитета КПСС ПБРХФ. С мая 1990 г. – начальник ПБРХФ, с 1996 г. – на пенсии, ныне живёт в г. Твери.

1. Камчатская правда. Комплект за 1934 г.
2. ГАКК. Оф. Д. 3974.
3. Там же. Ф. Р-494. Оп. 1. Д. 679.
4. Там же. Ф. Р-17. Оп. 2. Д. 673.
5. Там же. Оф. Д. 5553.
6. Там же. Ф. Р-494. Оп. 1. Д. 872.
7. Там же. Ф. Р-117. Оп. 2. Д. 782.

Н. С. Гаврилова **ОХОТНИЧИЙ ПРОМЫСЕЛ И ЖИВОТНОВОДСТВО** **КАМЧАТКИ в 1928 г.**

Давно, почти девяносто лет назад, жизнь в камчатской глубинке текла размеренно, неторопливо. Злободневные вопросы, трудности и радости бытовой жизни дважды в неделю освещались на страницах газеты «Полярная звезда». Яркие обсуждения, интересные советы, необычные идеи, осуществить которые не удалось даже в XXI в., могут привлечь внимание и современного читателя. Трудно поверить, но жители Камчатки того времени всерьез намеревались изготавливать сливочное масло в промышленных масштабах, наладить производство консервов из баранины, а также выращивать в питомниках ценных пушных животных.

Итак, год 1928-й... До сих пор главным видом хозяйства камчатской глубинки оставались охота и рыболовство, остальное же являлось лишь подсобным.

Чуть снежок, ты уж в сопки летишь,
Добывать для семьи кусок хлеба.
Часто долгие ночи не спишь
И, озябши, дрожишь средь открытого неба
Бродишь днями, кругом только скалы...
Неудачи, лишенья несешь.
И вернувшись в палатку усталый,
Чай без сахара долго ты пьешь...

Н. Трущоба

Главным объектом пушной охоты на Камчатке во все времена был соболь. Неуклонно год от года снижавшиеся доходы от пушного и рыбного промысла оценивают как истощение естественных природных богатств полуострова. А охоту на соболя уже сравнивают с игрой: «удачные случаи, как и в картёжной игре, в охоте на соболя являются тем магнитом, который влечёт к себе, они создают азарт охоты, надежду на фарт». Из-за особенностей промысла этого ценного пушного зверя (большие затраты временных, материальных и моральных ресурсов) добыча двух-трёх животных обходилась в 200–300 руб. Местные охотники прозвали это животное «врагом Камчатки». Отмечалось, что среди сдававшихся Дальгосторгу шкурок соболя было очень мало молодых экземпляров, большинство трёхлетних. Предполагали, что молодой соболь был вытеснен «более сильными стариками в другие места».

Исторически сложилось, что сезон охоты на соболя длился с 15 октября по 1 февраля. В 1917 г. на Первом Петропавловском уездном съезде срок был удлинён на две недели, то есть с 15 октября по 15 февраля. Руководствуясь переходом на новое летосчисление, для удобства запоминания даты срок промысла установили с 1 ноября по 1 марта. Радужные перспективы, связанные с ожиданием увеличения показателей добычи, сыграли с охотниками злую шутку.

В феврале у соболя начинался брачный период. В течение восьми лет (1917–1924 гг.) промысел проводился в период размножения животных (!), только лишь сезоны 1925/26 и 1926/27 гг. приходились на двухгодичный запуск, то есть запрет добычи. Из-за обывательского подхода и человеческой невнимательности природе был нанесён значительный и непоправимый удар... Заведующий окружным земельным управлением И. Ф. Голованов в статье «К вопросу о продлении сроков охоты» предупреждал, что здесь нельзя переходить грань – время начала брачного периода промыслового зверя. Последствия этого могут быть плачевными. Поэтому «в целях рационализации пушного хозяйства округа Камчатский окрревком 2 февраля с. г. [1928] постановил сроки охоты на пушного зверя оставить прежние, то есть с 1 ноября по 15 февраля, отклонив ходатайство сельсоветов и райисполкомов о продлении сроков охоты до 1 марта» (1, № 11). Таким образом, произошёл возврат к исторически определённой дате охоты на пушных животных. Также 15 февраля завершался сезон охоты на снежного барана и оленя. Промышлять медведя, росомуху и нерпу разрешено круглогодично. Эти животные, в силу своей прожорливости, объявлялись исключительно вредными, особенно... нерпа. «Нерпа – самый заядлый враг рыбы, во время рыбного хода она пожирает несметное число ценной рыбы и, тем самым, сокращает наши рыбные запасы» (1, № 62). Борются с ней призвана жировая артель селения Утхолок.

По инициативе окрревкома камчатская контора АКО разработала план по развертыванию морского промысла и жирового дела. Известно, что «младший брат медведя», как называли росомуху, имел большую склонность к воровству. Росомуха вытаскивала из капканов попавших туда зверей, лакомилась съестными припасами охотников. Медведь, как самый крупный и опасный хищник Камчатки, несёт большую угрозу для жизни человека, и, кроме того, был очень прожорлив. «Если 500 медведей в год съедят по 200 штук рыбы, то это составит 100 тысяч рыб, считая по 25 коп. на сумму в 25 000 рублей» (1, № 25).

Сотрудники ветеринарной лаборатории г. Петропавловска со страниц «Полярной звезды» обращались к читателям с просьбой: «Товарищи охотники! Доставляйте в ветеринарную лабораторию тушки соболя, лисицы, зайца и прочих зверей, в которых вы обнаружите глистов. От больших зверей – одних глистов с куском кишки, где они находятся. От убитых дикующих лисиц доставляйте головы или целые тушки. Плата от 30 коп. до 1 рубля за экземпляр по ценности материала» (1, № 95).

О снижении численности соболя говорит и очень необычный факт: «За последнее десятилетие на полуострове стало распространяться новое животное – белка». Исследователи предшествующих эпох отмечали её отсутствие на Камчатке. Комиссия по изучению естественных производительных сил при Академии наук в труде «Животный мир Камчатки» (1919) подчеркнула, что белка обитала в пределах всей лесной зоны Европейской и Азиатской России, за исключением Камчатки, Кавказа и Крыма. А несколько лет назад белка мигрировала на Камчатку. «Она появилась в небольшом количестве по долине р. Тигиль, а затем переселилась в долину р. Камчатки, где впервые была замечена около Козыревска. Зимой текущего года белка отмечена уже около Мильково. Таким образом, она заняла хвойные леса Камчатки и будет, вне всякого сомнения, отныне их постоянным обитателем...» (2, № 46).

Появился этот зверёк, по предположению натуралиста П. Т. Новограбленова, из Гижиги. «Распространение белки в хвойных лесах у нас говорит за то, – отмечает он, – что её злейший враг

соболь почти полностью уничтожен человеком в этих лесах». Качество камчатского зверька было очень высоким, так как он принадлежал к особой, тёмной, разновидности обыкновенной белки.

Постепенно назревала мысль о необходимости создания новой основы экономики, базирующейся на стабильном производстве, пушной промысел необходимо было превратить в предприятие. Разведение соболя в искусственных условиях – главная возможность сохранить его популяцию. На это указывал Н. А. Пименов в статье «Пушное звероводство». Краткий экскурс в историю пушного звероводства раскрывал мировой опыт разведения животных в неволе. Первый положительный результат был получен в Канаде, на о. Принца Эдуарда. После долгих изучений Ч. Дальтон и Р. Оультон в 1887 г. получили первый приплод серебристо-чёрных лисиц. Уже к 1913 г. в питомниках Канады числилось 2 130 серебристо-чёрных лисиц. До Первой мировой войны в России имелся 21 питомник, из которых «Путятинных в Бологом, Подороги – около станции Лысино, Чумакова в Финляндии» были образцовыми (1, № 22). В годы гражданской войны в России питомники не уцелели, а в западных странах они продолжали расти и развиваться. В 1923 г. в Канаде насчитывалось их 1 240. В них «воспитывались» серебристо-чёрные и красные лисицы, сиводушки, песцы, норки. В США в 1923 г. имелось около тысячи питомников. «Доход питомников в 1923 г. 2 175 151 \$, экземпляр живой серебристо-чёрной лисицы продавался в среднем по 1 000 \$» (1, № 22).

В СССР к 1928 г. насчитывалось не более десятка питомников, а точнее, опытных станций, не имевших промышленного значения. «В ближайшем будущем капиталистические страны станут крупнейшими поставщиками лисиц на мировом рынке. А наша страна, занимающая лидирующую позицию по экспорту соболя, должна уделить пристальное внимание восстановлению численности этого пушного зверя». Попытки разведения соболя в неволе в России уже делались. В 1913 г. по инициативе Шиллингера был организован пушной питомник на оз. Байкал. Воплощали в жизнь проект Шиллингера «некий Малам и бывший князь Николай Николаевич». Одно из главных условий для обеспечения размножения животных в неволе – максимальная изоляция от всех внешних раздражителей. Для успешного течения беременности самка должна чувствовать себя в полной безопасности. А место для питомника было выбрано крайне неудачно – около железнодорожной станции, на болоте, по соседству с собачьим питомником. Поэтому, конечно же, результат оказался печальным. Положительный результат был получен в питомнике Подороги в Лысино, но этот «бесценный опыт» был утерян в переломные для нашей страны времена.

С целью сохранения ценного пушного зверя на Камчатке был создан Петропавловский районный песцово-соболиный питомник, которым заведовал Р. Малэс, учёный-энтомолог из Швеции, прибывший на полуостров для научной работы в начале 1920-х гг. К началу 1928 г. питомник находился на стадии организации, в нём содержались одна самка и пять детёнышей-соболят. Увеличить численность питомцев Р. Малэс планировал в наступающем охотничьем сезоне. Он неоднократно обращался к местным жителям со страниц «Полярной звезды» с объявлением: «...лицу, которое случайно найдёт и представит в питомник гнездо живых соболят, будет уплачено 500 рублей. Гнездо считается из трёх соболят; за каждого добавочного будет доплачиваться дополнительно 100 рублей» (1, № 31).

В питомник принимали и взрослых животных хорошего качества. За одного платили до 200 рублей. Предполагалось, что питомник станет источником «снабжения племенным материалом районов округа». Со временем планировалось увеличить их количество: в одном из северных районов Камчатки создать питомник для разведения песца, а в Усть-Большерецком районе – для разведения выдры. Но были и противники разведения соболя в искусственных условиях. Так, работники кооперации Богомолов и Михалёв в статье «За неизсякаемые пушные богатства Камчатки» (орфография авторов), основываясь на многолетнем личном опыте охоты, отрицают возможность размножения соболя на ограниченном пространстве заказников и заповедников. Такая ограниченная и безопасная территория привлекает внимание лис, но не соболей. Соболь не имеет постоянного места жительства, он непрерывно перекочевывает в поисках пропитания, ищет более свободную территорию, где меньше пищевых конкурентов. «Если бы дело обстояло не так, то в Кроноцком или Укинском заповедниках, за многие годы их существования, образовался бы невероятный запас соболя в несколько десятков тысяч» (1, № 63).

Еще одной очень важной мерой для сохранения и восстановления численности соболя они считают плановые запуски через два года охоты. Первый запуск проводился в 1925/26 г. Авторы предложили проводить запуск не только на соболя, но и на всех пушных животных Камчатки. В первый год запуска на соболя по всей Камчатской губернии было добыто 14 780 лисиц, что в два с половиной раза превысило ежегодную добычу этого зверя. Отмечалось, что если так пойдет дальше,

то начнет исчезать не только соболь, но и лисица. Проект резолюции I Окружного съезда Советов, опубликованный 22 августа 1928 г., гласил: «Провести одногодичные запуски: а) на все виды пушного зверя в территории Камчатского полуострова, начиная с охотничьего сезона 28/29 г. и затем периодически через год» (1, № 65).

На страницах «Полярной звезды» развернулась бурная дискуссия о возможности расселения соболя на Командорских островах. Эту тему впервые обозначил Ф. Л. Слободчиков в рубрике «В порядке обсуждения» 1 марта 1928 г. Он предположил, что горный рельеф и обильная кормовая база (морские птицы, рыбы) Командор дают отличные условия для благополучного размножения этого ценного пушного зверя. Попытка разведения соболя на о. Карагинском в 1898 г. закончилась относительным успехом. Четыре пары животных успешно дали потомство, но быстро были истреблены нетерпеливыми охотниками... Через две недели Слободчикову заочно ответил П. Т. Новограбленов. В заметке «Быть ли соболу на Командорах?» он указал на невозможность разведения соболя на островах. Причина: отсутствие необходимого лесного покрова (укрытиями для соболя служат дуплистые деревья), а также жёсткая пищевая конкуренция. Исконный обитатель Командор голубой песец и новосёл соболь станут серьёзными соперниками в борьбе за пищу. Слабая особь не пройдет естественный отбор, то есть соболь будет уничтожен более сильным песцом.

Слободчиков, не удовлетворившись ответом оппонента, 25 марта настаивал на своём: «Разведение соболя на Командорах вполне возможно, и он должен там быть». Он считал, что каждый хищник в природе наделён определёнными качествами. Соболь успешно охотится на зайца и птицу, песцу же это не всегда под силу. Кроме того, соболь, обитающий в расщелинах скал (так называемый «каменщик») обладает даже более ценным мехом, чем его лесной собрат...

Постепенное, но неуклонное снижение доходов от пушного промысла заставило краевые и местные власти обратить пристальное внимание на другие отрасли народного хозяйства, в первую очередь на сельское хозяйство. Перспективами его развития выделялись, главным образом, животноводство и огородничество.

В силу естественноисторических причин Камчатка не представляет собой однородную сельскохозяйственную территорию. Северная часть полуострова – это район оленеводства, а южная перспективна для развития животноводства и земледелия. Наибольшие надежды в этом отношении всегда возлагались на долину р. Камчатки. Медленный темп развития сельского хозяйства на полуострове объяснялся отсутствием накопленных агрономических знаний и квалифицированных сельскохозяйственных работников, слабой изученностью почвенно-климатических условий, ведущей за собой неподготовленность земельных площадей, незначительностью выделяемых средств и отсутствием рынков сбыта сельскохозяйственной продукции.

Доклад окрбюро ВКП(б), представленный М. А. Капланом и опубликованный 18 марта 1928 г., посвящён состоянию сельского хозяйства и перспективам его развития. «Если сравнить среднее хозяйство крестьянина Камчатки и материка, то камчатский крестьянин по количеству имеет больше скота, но уход за ним хуже» (1, № 23). Основными видами сельскохозяйственных животных на полуострове являлись крупный рогатый скот и лошади. «Овец и коз, кроме единичных экземпляров в Петропавловске, нет, и их нужно ввозить сюда, что не под силу хозяйству камчадала-крестьянина» (1, № 29). В будущем намечали разводить овец и коз при школе крестьянской молодёжи в с. Ключевском. «Тогда охотник-камчадал, став скотоводом, заменит горного барана домашней овцой, – рассуждал инструктор Центросоюза Б. К. Борясевич, – а вместо оленя убьёт козу, и не нужно ему будет терять время и губить здоровье на охоте». Он рассматривал возможность развития овцеводства и в промышленных масштабах: предполагал изготовление на Камчатке консервов из баранины на оборудовании недавно появившихся местных рыбоконсервных заводов. Заниматься разведением домашних коз намеривались и жители о. Беринга. 18 апреля 1929 г. они обратились в адрес окружного земельного управления с просьбой о доставке коз на Командоры. К сожалению, она не была удовлетворена, поскольку «ни домашних коз, ни средств на их приобретение не имеется» (1, № 23).

«Не так давно пронеслась молва, что в окрестных селениях г. Петропавловска падает скот», – так начинается статья заведующего окрзу И. Ф. Голованова «От чего гибнет скот», опубликованная 4 марта 1928 г. Для проверки информации и (если это необходимо) установления причин падежа скота окрзу создало комиссию из агронома и двух ветеринарных врачей. Комиссия проверила состояние здоровья животных в с. Елизово, Николаевка, Паратунка, Авача. Падёж крупного рогатого скота и лошадей подтвердился. Микроскопическое исследование крови не показало наличие в организмах животных инфекций или болезнетворных бактерий. Причиной гибели стало плохое содержание

и кормление недоброкачественным сеном. Жители камчатских селений стремились заготовить сено поближе к дому, на мокрой тундре. Разливавшиеся летом реки покрывали её илистыми частицами. Заиление кислой травы (осоки, пушицы, хвоща) ещё больше ухудшало свойства малопитательного сена. И. Ф. Голованов рекомендовал местным обитателям (Паратунки в особенности) начать мелиоративные работы. Жители Петропавловска могли приобрести сено, например, обратившись в дом № 25 Зорина по ул. Ленинской, к гражданину Ван Ден Я. Оно продавалось за 60 копеек за пуд. А вот рацион питания лошадей в камчатской глубинке был и вовсе скуден: «Большинство кормят только объедками, оставшимися от голодного корма крупного рогатого скота. В нашей деревне в частую можно слышать, как лошади просят у не имеющего лошадей безлошадника привести лошадь на объедья» (1, № 43).

Чтобы сельское хозяйство Камчатки вышло на новый уровень, необходимо уделять пристальное внимание развитию огородничества (в том числе и в качестве кормовой базы для скота) и улучшению условий содержания животных. Конечно, в плане используемых технологий, методов и способов работы местное сельское хозяйство сильно отставало от Центральной России, где оно развивалось не одну сотню лет. Тем не менее, М. А. Каплан в докладе окрбюро ВКП(б) указывал, что стараниями камчатских комсомольцев и коммунистов в ближайшее время будет налажено производство масла в промышленных масштабах не только для собственных нужд, но и для вывоза на материк.

Попытки внедрения новых отраслей сельского хозяйства были невозможны без привлечения на полуостров высококвалифицированных агрономов, а также без работы по повышению уровня грамотности камчатского крестьянина. Последней потребности отвечали сельскохозяйственные кружки: «Работы по внедрению азбучной истины сельского хозяйства прямо-таки непочатый край...».

Некоторыми секретами содержания скота поделилась редакция газеты в рубрике «Вопросы и ответы». Как можно повысить удои коровы в хозяйстве камчатского крестьянства? Путём скармливания корнеплодов, например, турнепса. Его можно давать от двух до трёх пудов на голову. Также необходимо добавлять животным сильные корма: жмых, муку, овес и отруби.

В прошлом, 1927 г., в Петропавловске весь рогатый скот (кроме Опытного поля, скот которого выпасался отдельно от городского) скопил «заразный вагинит». Заражение происходило во время случки, а также в некоторых случаях во время грязной дойки. Более восприимчивым к заражению оказался молодой (до десяти лет) скот.

Заметка под заглавием «Что нам дала кастрация плохих бычков» сообщает о работе в с. Налычево ветеринарного врача Домашевича. Осмотрев скот, он решил кастрировать «бычков местной породы». Благодарные селяне ожидали, что «этим мы сможем улучшить наше животноводство и постепенно перейти к размножению породистого скота».

Камчатский кооператив заказал поставку на полуостров 150 голов скота. Выполнением этого занялся Примсельсоюз. Скот намеревались доставить на Камчатку пароходами, в среднем, по 15 голов в партии. Прибытие последней партии ожидалось в августе. На покупку животных горсовет отпустил кооперативу кредит в размере 25 тыс. рублей. Ввоз скота допускался через следующие пропускные пункты Камчатского округа: г. Петропавловск, с. Усть-Большерецк и Усть-Камчатск. Для вновь прибывавших в Петропавловск животных определён карантинный пункт – Артюшкин полуостров, расположенный на перешейке между Тарьинской и Богатыревской бухтами. Запрещены использование сельскохозяйственных угодий и пригон сюда постороннего скота – так определило обязательное постановление № 3 Камчатского окрревкома от 29 января 1928 г.

Срок уплаты «налога со скота», согласно постановлению Петропавловского горсовета, истек 15 апреля 1928 г. Каждый владелец животного (быка, нетели, коровы), достигшего двухлетнего возраста, обязывался до 12 апреля предоставить в налоговый подотдел окружного финотдела «письменно или устно» сведения об имеющемся скоте (наименование, возраст) и внести в агентство Госбанка по 3 рубля с каждой «головы».

Обязательное постановление № 2 окрревкома оговорило порядок убоя животных для питания. Документ опубликован в «Полярной звезде» 29 января 1928 г. Согласно ему, убой животных может производиться только за пределами города, на особо отведённом месте. Зимой допускается убой во дворах на снегу, с непременным условием тщательной уборки отбросов. Убой зарегистрированных племенных животных производился только с разрешения окрзу. Продукты убоя подлежали осмотру сотрудниками ветеринарно-санитарного надзора или же представителями местной власти. Продажа мяса, не прошедшего контроль, не допускалась. «Граждане, желающие продать мясо от

убитых в сёлах животных, должны привозить вместе с тушей или частью её легкие, сердце и печень для осмотра, а также удостоверение сельсоветов, в которых должно быть указано время убоя, состояние здоровья убитого животного» (1, № 9). Владельцы и торговцы мясом выплачивали установленный сбор за ветеринарный осмотр и клеймение мяса. За нарушения данного постановления горожанам грозил штраф в 100 руб. или же принудительные работы до месяца, а сельчанам – штраф до 10 руб. или принудительные работы на срок до двух недель.

Жители Камчатки приобретали мясо в кооперативах или же у частных торговцев. В феврале 1928 г. килограмм мяса стоил 1,9 рубля в кооперативе и 2,5 рубля у частных торговцев. Некоторые покупатели были недовольны качеством обслуживания в мясном отделе Петропавловского кооператива. Здесь, прямо в торговом зале, лежали шкуры убитых коров, стояла большая бочка с салом, не дававшая возможности «свободно подходить к прилавку без риска вымазаться в сале». По сведениям, распространяемым неким Дядей Ваней, население Большерецкого района продавало мясо по цене от 10 до 12 рублей за пуд.

Ветхие страницы «Полярной звезды», выходявшей в свет в 1928 г., воссоздают неповторимую атмосферу навсегда ушедшего времени...

1. ККМГИ. Ф. 5464. Газ. «Полярная звезда». 1928.
2. Там же. Ф. 5465. Газ. «Полярная звезда». 1929.

Л. А. Геготаулина **КАМЧАТСКИЕ ШКОЛЬНИКИ: СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ** **СКВОЗЬ ПРИЗМУ СТОЛЕТИЙ**

Существует немало устоявшихся стереотипов относительно положения учеников в дореволюционной (в том числе камчатской) школе. Зачастую считается, что в XVIII–XIX вв. в школах могли учиться только дети обеспеченных родителей, что плата за учение была непомерно высокой, что путь к школе для представителей инородческого населения был закрыт и т. д.

Безусловно, значительная доля истины в таких утверждениях есть, особенно, если сравнивать досоветскую школу с ее современным этапом развития, когда получение основного общего образования стало конституционной обязанностью граждан без учета их пола, расы, национальности, языка, имущественного и должностного положения, отношения к религии, происхождения и других обстоятельств (5, ч. 2 ст. 19, ч. 4 ст. 43).

Прежде не все дети обучались в школах, да и не во всех населенных пунктах были учебные заведения. Например, по словам И. А. Циунчика, в 40-е гг. XIX в. камчатским селениям нередко приходилось посылать нарочным за 300 верст, чтобы прочесть, бумагу, присланную начальством (42, с. 34). Столь удручающая картина была характерна не только для полуострова. Подавляющее большинство населения не только окраин, но всей страны было неграмотным. Образование долгое время не являлось социальной ценностью, необходимой каждому члену общества. Потребность в нем стала осознаваться лишь в период активной модернизации, по мере роста промышленного производства, вовлечения регионов в жизнь всего государства. Именно в это время начала меняться социальная структура лиц, проходивших обучение в учебных заведениях.

Характеристика социального облика учащихся досоветского периода включает несколько основных параметров. Прежде всего, к ним относятся сословная и конфессиональная принадлежность, национальный состав, возраст и пол учащихся, их количество, подготовленность к овладению учебным материалом, среда обитания, уровень материального обеспечения и т. п.

Активное освоение Северо-востока России привело к тому, что еще до образования целостной региональной системы образования даже разрозненные, разнопрофильные и разноведомственные учебные заведения были поставлены на службу государству. Именно ракурс государственной политики определял потребность в школе, заинтересованность в ее сохранении и дальнейшем развитии, содержание обучения, его платность и, безусловно, социальный состав учащихся.

Определяющим фактором, обуславливающим социальный портрет учеников, была задача, стоящая перед школой. Если общественный заказ был ориентирован на оперативную подготовку технических специалистов для конкретных ведомств, то учебные заведения производили набор уча-